

СИНКРЕТИЗМ В СИНТАКСИСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

О.А. Крылова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2а, Москва, Россия, 117198

Л.Н. Анипкина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2а, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются два типа синтаксических конструкций, характеризующихся синкретической семантикой: так называемые второстепенные члены предложения и логико-семантический тип бытийно-идентифицирующих предложений; показано, что синкретизм в семантике единиц сопровождается различиями и в их грамматическом строении, и в их коммуникативно-синтаксической функции.

Ключевые слова: логико-семантический тип бытия и идентификации; присловные распространители; детерминанты; синкретизм.

Внимание современной лингвистики к семантике языка с неизбежностью приводит исследователя к обнаружению такого явления, как синкретизм. В.В. Бабайцева указывает два значения термина *синкретизм* (от греч. *synkretismos* — ‘соединение’): 1) «совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме»; например, «одно окончание имеет значение разных падежей»; 2) «совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (...), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности» [2. С. 446]. Явление синкретизма свойственно всем уровням языка и было предметом изучения многих лингвистов [4; 6; 11; 3].

Остановимся на синкретической семантике двух типов синтаксических единиц: 1) второстепенных членов предложения и 2) логико-семантических разновидностей простого предложения. В обоих случаях мы имеем дело с синкретизмом во втором значении термина, когда возникают своего рода контаминированные, диффузные, промежуточные образования [13. С. 446].

1. Как известно, «традиционная», «школьная» грамматика разделяет все второстепенные члены предложения (т.е. не входящие в предикативную основу предложения) на три класса: определения, дополнения и обстоятельства. В настоящее время «Русская грамматика»-80 под ред. Н.Ю. Шведовой отказалась не только от такой дифференциации второстепенных членов предложения, но и вообще от понятия (и термина) «второстепенные члены», заменив его понятием *распространителей* (или *распространяющих членов*) предложения. Разумеется, такая замена отнюдь не является чисто терминологической. Причин отказа академической описательной грамматики русского языка от понятия трех второстепенных членов предложения несколько.

Во-первых, определение «второстепенные» нередко вступает в противоречие с функционально-семантической природой этих членов предложения, поскольку, хотя они не входят в предикативную основу предложения, но их роль в организации структуры и семантики предложения может быть не меньшей, чем роль главных членов предложения. Например: *Сыну исполнился месяц; Сестру отличает скромность; Шел 1918-й год* и т.д.

Во-вторых, как показали наблюдения лингвистов, синтаксические связи так называемых второстепенных членов в предложении оказываются весьма неоднородными: одни из этих членов предложения соединяются подчинительными связями с другими членами предложения в единое словосочетание (*Отворите мне темницу!*); это *присловные распространители*. А другие — соотносятся со всем остальным составом предложения, выступая *детерминирующими распространителями*, или *детерминантами* (*В селе за рекою потух огонек*).

В-третьих, однозначно разграничить названные три типа второстепенных членов возможно далеко не всегда, — именно потому, что им часто свойственна синкретическая семантика; например: «*Стреляют из окна: из чего?* — дополнение и *откуда?* — обстоятельство; *Это — дом отца: чей?* — определение и *кого?* — дополнение» [16. С. 91].

Важно подчеркнуть, что синкретическая семантика может характеризовать как присловные распространители, так и детерминирующие. Например: *Билет на елку в Кремлевский Дворец был хорошим подарком к Новому году*. В словосочетании *билет на елку* совмещаются значения объектные, обстоятельственные и атрибутивные; естественно, что увидеть в члене предложения *на елку* или только дополнение, или только обстоятельство, или только определение — невозможно. Следовательно, такие присловные распространители не должны втискиваться в прокрустово ложе одного из трех второстепенных членов предложения. Но точно так же синкретической семантикой могут обладать и детерминанты, вследствие чего их также не стоит пытаться дифференцировать по семантике на непересекающиеся классы. Например, детерминант *в доярках* (*В доярках трудно*) совмещает в себе значения субъекта, условия (*если ты доярка...*) и времени (*когда ты работаешь дояркой...*).

Возникает вопрос: а не оказывается ли обедненным синтаксический анализ предложения, если мы исключаем из него рассмотрение трех второстепенных членов предложения? Полагаем, что нет. Во-первых, как было сказано, при дифференциации второстепенных членов (распространителей) на присловные и детерминирующие выявляются их принципиально различные синтаксические связи в составе предложения (подчинительная связь присловных распространителей в составе словосочетания как «развернутого слова» либо связь свободного присоединения детерминанта со всем остальным составом предложения) [14]. Во-вторых, когда устанавливаются синтаксические отношения, т.е. значения, возникающие в результате различных связей, всегда отмечается, что они могут иметь синкретический характер; указание на такой синкретизм позволяет точнее определить семантику распространителя, чем попытка однозначного отнесения вто-

ростепенного члена к определению, дополнению или обстоятельству. В частности, отмечается объектно-пространственная семантика у детерминантов типа *Мальчику надоело в бассейне; Школе (домашним) дано знать о случившемся*; субъектно-временная семантика наблюдается у детерминантов в следующих предложениях: *В семнадцать лет / семнадцати лет / семнадцатилетними или на войну; В секретарях / секретарем дочка мало зарабатывала* [16. С. 131] и т.д.

Здесь довольно сложной является проблема разграничения присловных распространителей и детерминантов. Дело в том, что единственный признак детерминирующих распространителей, отличающий их от присловных распространителей, — признак, который не был оспорен лингвистами, — это возможность присоединения детерминанта к различным структурным схемам предложения (а точнее, к остальному составу предложения, построенному по различным структурным схемам); например: *Груббиянам не место в футболе / Груббиянам досталось пять штрафных карточек / Груббиянам пора опомниться* и т.п. Как мы пытались показать [7; 8; 9], тот общепризнанный факт, что детерминанты — это чисто предложенческая категория, с неизбежностью приводит нас к выводу, что главный дифференциальный признак детерминантов надо искать в связи с коммуникативной природой предложения и состоит он в том, что, в отличие от присловного распространителя, детерминант играет *самостоятельную роль в коммуникативно-синтаксической организации предложения, т.е. в его актуальном членении*: это или самостоятельная тема (пример 1) или самостоятельная рема (пример 2), или коммуникативно-значимый компонент комплексной темы (пример 3):

(1) *За окном* (тема = детерминант) // *бушевала метель* (сказуемое + подлежащее = рема);

(2) *Рудин говорил* (тема) // *горячо, умно, дельно* (рема);

(3) *Вчера / симпозиум* // (комплексная тема или две темы: детерминант + подлежащее) // *закончил свою работу* (рема).

Все остальные признаки детерминантов — как облигаторные, так и факультативные, — являются производными от этого главного, дифференциального признака всех детерминантов. Так, преимущественная тематическая функция детерминанта объясняет его обычную позицию в начале предложения; сочетание детерминирующего распространителя с частицей также является следствием того, что он не входит в состав подчинительного словосочетания (ср.: *Только в одной этой компании* (детерминант) *работают над проектом не менее тысячи сотрудников*. — *Все они работают в одной компании* (присловный распространитель в составе словосочетания).

2. Второй случай, который иллюстрирует положение о том, что синкретизм — явление типичное на уровне синтаксиса, — это дифференциация логико-семантических типов простого предложения.

Известно несколько подходов к изучению семантического синтаксиса (синтаксической семантики): в частности, это теория «глубинных структур» Н. Хомского, это путь изучения синтаксической семантики от денотативной ситуации В.Г. Гака [5]; это определение семантики структурной схемы предложения с по-

следующей характеристикой синтаксического «поведения» построенного по этой схеме предложения (т.е. указание на характер синтаксической парадигмы, способов детерминации и т.д.) (Н.Ю. Шведова) и, наконец, выделение логико-семантических типов предложения (Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев).

В концепции Н.Д. Арутюновой и Е.Н. Ширяева [1] различаются предложения четырех логико-семантических типов: (1) бытийные: *Недалеко от Москвы есть поселок под названием «Лесной городок». У нас там небольшая дача. Вокруг дачи сад, а за домом огород;* (2) именованья: *Ее сестра звалась Татьяна;* (3) тождества, или идентификации: *Этот корнет и есть девица Дурова; Принес телеграмму мой сосед;* (4) характеристики: *Он мой соавтор; Мать разрежала торт на пять частей; Дедушке нездоровится; Тигры водятся в Уссурийском крае.*

Но в русской разговорной речи широко распространены предложения типа *Гроза! Пожар!* Их характеризует восклицательная интонация, свидетельствующая о яркой эмоционально-экспрессивной окраске, и разговорная функционально-стилевая коннотация — показатель того, что они функционируют преимущественно в живой (пример 1) или стилизованной разговорной речи в художественной литературе (пример 2). Здесь и далее в примерах контекст заключается в квадратные скобки; например: (1) *Наши автобус!* (Скорее! — разг. речь); (2) *Часов в 11 вечера вдруг густо повалил снег, и вслед за тем что-то сверкнуло в небе.) — Молния! — воскликнули стрелки в один голос.* (Арсеньев). Семантика таких номинативных предложений имеет сложный, синкретический характер: эти предложения *одновременно* передают и значение бытийности (появления, проявления) некоего «предмета», и значение его идентификации: *'то, что мы видим, то, что имеется перед нами, — это наш автобус / это молния'.*

Интересно, что номинативные предложения такого типа (с синкретической семантикой), обладая семантической спецификой, одновременно характеризуются и *грамматическим своеобразием*. Оно состоит в том, что, в отличие от лишенных синкретизма номинативных предложений данные предложения не имеют синтаксической парадигмы: они существуют только в форме синтаксического настоящего времени синтаксического индикатива, выражающего объективно-модальное значение реальности. Тот предмет, который служит субъектом идентификации, воспринимается говорящим как предмет бытия именно в момент речи — «здесь и сейчас». А предложения «чисто» бытийной семантики (например, такие, как *Ночь, улица, фонарь, аптека (...)* (А. Блок); *Тишина*) обладают синтаксической парадигмой, включающей и формы синтаксических ирреальных наклонений, и формы синтаксических времен в пределах синтаксического индикатива: *Тишина. / Была тишина. / Будет тишина. / Была бы тишина, (если бы лектор начал лекцию). / Если бы была тишина... / Будь тишина... / Вот бы тишина!* и т.д.

Еще одно различие между номинативными предложениями бытийного логико-семантического типа и рассматриваемых предложений с синкретической семантикой обнаруживаем в плане их коммуникативно-синтаксической организации, в частности, в плане их актуального членения. С точки зрения актуального членения все номинативные предложения являются предложениями-высказываниями с нулевой темой, т.е. весь их состав равен реме [10. С. 77—80; 12]. Основываясь на положении о том, что отсутствие знака — тоже знак, попытаемся

определить, знаком чего является нулевая тема? Какова ее содержательная характеристика? И сравнение чисто бытийных номинативных предложений с рассматриваемыми «бытийно-идентифицирующими» в этом плане позволяет увидеть и здесь их существенное различие.

Когда в тексте употребляется «чисто» бытийное предложение, имеет место «непосредственное предицирование» [15. С. 38], т.е. содержание предложения-высказывания (ремы) отнесено к самой действительности. Нулевая тема как исходный пункт высказывания и означает наблюдаемую действительность, в которой имеет место, бытует некоторый объект / предмет. Если бы тему надо было лексически обозначить, то для этого могли бы послужить такие лексемы, как *на дворе / на улице / за окном: На дворе // тишина. За окном // тишина. На улице // мороз.*

Заметим, что все эти лексемы частично делексикализованы и выступают как синонимы, что как раз и свидетельствует о том, что все это — репрезентанты именно действительности, обозначение которой в этих случаях избыточно; сравним с неотмеченным, стилистически ущербным коммуникативно тождественным предложением **В действительности есть/была/будет тишина.* Такое предложение является стилистически ущербным и грамматически неотмеченным именно потому, что непредставленность темы, ее нулевой характер позволяет оформить констатирующее коммуникативное назначение и бытийную семантику таких предложений.

Иная картина наблюдается, когда в речи употребляется номинативное предложение синкретической семантики, например: «*Мама, смотри! Море!*» — *закричала девочка* [1. С. 50] В данном случае нулевая тема получает значение не действительности вообще, а некоторого ее фрагмента, воспринимаемого говорящим, что лексически можно обозначить с помощью местоименного подлежащего *это*; например:

(Вскоре я ясно стал различать качающуюся на волнах разлива живую серую массу птицы).

— **Гуси!** (Да ведь это же гуси! — выкрикнул я.) (Пермитин).

Мы видим, как синкретическая семантика уступает здесь свое место идентифицирующей. Показательно, что в «чисто» бытийных предложениях такая подстановка местоимения-темы *это* невозможна; ср.: **Это ночь. *Это улица. *Это фонарь.*

Следовательно, восклицательные номинативные предложения с синкретической семантикой типа *Гроза!*; *Пожар!*; *Море!* отличаются от бытийных и в плане актуального членения: в них различна функционально-семантическая природа нулевой темы.

В заключение отметим наличие еще одного типа восклицательных номинативных предложений-высказываний, выпадающего из намеченной классификации логико-семантических типов простого предложения. Это случаи типа:

О, город! О, ветер! О, снежные бури!

О, бездна разорванной в клочья лазури!

(Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!) (А. Блок)

Такие высказывания, являясь коммуникатами, т.е. единицами коммуникативного назначения, тем не менее вряд ли могут быть отнесены к грамматическим единицам-предложениям, неизменным признаком которых выступает наличие грамматического значения предикативности¹. Приведенные высказывания лишены предикативности, поэтому их назначение — номинация таких предметов (в широком смысле), к которым обращается говорящий; это так называемые *обращения*.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов как относительно конкретных рассмотренных синтаксических единиц, так и относительно самого явления синкретизма на синтаксическом уровне языковой системы:

— имея одинаковое формально-грамматическое строение (т.е. будучи построенными по одной и той же структурной схеме N_1 , где символ N_1 — это имя существительное в именительном падеже), номинативные предложения типа *Пожар!* имеют различную синтаксическую семантику, поэтому вряд ли есть основания приписывать семантику самой структурной схеме;

— синтаксическая семантика номинативных предложений может быть определена или как бытийная, или как идентифицирующая, или как синкретическая, диффузная, — бытийно-идентифицирующая;

— обладающие синкретической семантикой номинативные предложения (типа *Пожар!*) эмоционально-экспрессивно ярко окрашены, поэтому сферой их употребления является живая разговорная речь или стилизованная разговорная речь в составе художественных текстов;

— характеризуясь спецификой в плане синтаксической семантики, эти предложения обладают также грамматической спецификой, проявляющейся в отсутствии у них синтаксической парадигмы, и особенностями актуального членения, состоящими в различном функционально-семантическом значении нулевой темы;

— очевидно, что синкретизм семантики синтаксических единиц тесно связан с их формальными и коммуникативными особенностями, что сказывается как на интерпретации и дифференциации так называемых «второстепенных членов предложения», так и на дифференциации логико-семантических типов простого предложения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М.: Русский язык, 1983.
- [2] Бабайцева В.В. Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- [3] Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж, 1967; Бабайцева В.В. Семантика переходности. Л., 1977.
- [4] Виноградов В.В. Русский язык. М., 1947.
- [5] Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики. Семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.

¹ Предикативность понимается, вслед за В.В. Виноградовым, как отнесенность содержания предложения к действительности, выраженная в категориях объективной модальности, времени и лица.

- [6] *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- [7] *Крылова О.А.* Детерминанты в аспекте коммуникативного синтаксиса // Вопросы языкознания. 1976. № 2.
- [8] *Крылова О.А., Максимов Л.Ю., Ширяев Е.Н.* Современный русский язык. Теоретический курс. Синтаксис. Пунктуация. М.: Изд-во РУДН, 1997.
- [9] *Крылова О.А.* Коммуникативный синтаксис русского языка. М.: URSS, 2009.
- [10] *Крылова О.А.* Понятие нерасчлененного высказывания // Филологические науки. 1983. № 2.
- [11] *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. М., 1962.
- [12] *Леонтьев А.А.* Актуальное членение предложения и способы его выражения в русском языке // Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Л.В. Щербы / отв. ред. Р.И. Аванесов. Л., 1981.
- [13] Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- [14] *Малащенко В.П.* Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительного в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1972.
- [15] *Распопов И.П.* Актуальное членение предложения. Уфа, 1961.
- [16] *Русская грамматика* / под ред. Н.Ю. Шведовой: в 2-х тт. М.: Наука, 1980. Т. II.

SYNCRETISM IN RUSSIAN SYNTAX

O.A. Krylova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2a, Moscow, Russia 117198

L.N. Anipkina

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2a, Moscow, Russia 117198

The article deals with two types of syntactical constructions characterized by syncretic semantics: firstly, so-called secondary parts of sentence, secondly, existential-and-identifying type of sentences. It is shown that the syncretism in the domain of semantic units correlates with structural grammatical differences as well as in their communicative syntactic function.

Key words: logico-semantic type of existence-and-identification, determinants, secondary parts of sentence.